

Е. Н. Чернолуцкая

ПРИГРАНИЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ХАСАНСКОМ РАЙОНЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

doi: 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-49-56

УДК 94(571.63) ББК 63.3(2РОС-4ПРИ)

Хасанский район Приморского края — крайний юго-восточный район России, прилегающий к границе с КНДР и КНР. На всех этапах истории его отдаленность и слабая укорененность населения были главными факторами уязвимости. Степень государственного контроля над территорией тесно связана с характером приграничной и миграционной политики. В имперский период район стал зоной освоения двумя пришлыми группами — российскими подданными и иммигрантами из Кореи — с нарастающим преобладанием последних. В советский период «огосударствление» зоны шло по пути советизации корейцев, ограничения иммиграции, вытеснения корейского населения русским, военного укрепления и социальной «чистки» приграничья. После депортации корейцев 1937 г. район развивается как русская монокультурная среда с закрытыми границами. В 1960–1980-е гг., в силу стратегического значения находясь под опекой центральной власти, район имел стабильный демографический и экономический рост. Начальный период Российской Федерации отмечен «разгосударствлением» приграничья и либерализацией пограничного режима. Но при отсутствии поддержки центра началась экономическая и демографическая деградация района. В 2010-е гг. в рамках политики «поворота на восток» наблюдаются признаки «возвращения» государства на дальневосточные рубежи, попытки их развития с привлечением государственного и частного капитала. Однако в Хасанском районе это пока не привело к явным изменениям в благополучии населения и демографической динамике.

Ключевые слова: *этнодемографическая динамика, пограничная политика, приграничная территория, Дальний Восток России*

Хасанский (до 1939 г. — Посьетский) район Приморского края прилегает к крайнему юго-восточному отрезку границы России, полностью включающему границу с КНДР и частично — с КНР. Он является частью территории, присоединенной к Российской империи в середине XIX в. Выполняя важную миссию места контактов России с Кореей, Китаем и Японией, он с раннего этапа освоения нес черты уязвимости, такие как отдаленность от центра, слабая укорененность населения, его этнокультурная неоднородность, экономическая неразвитость. Уязвимость границ была исторически характерна для России и представляла собой устойчивый фактор государственной политики, нацеленной на расширение контроля над такими территориями¹ — на их «огосударствление» или «одомашнивание».² Опираясь на

данную теоретическую посылку, проанализируем влияние дальневосточной приграничной политики на характер этнодемографических процессов в истории Хасанского района и на этой основе определим этапы трансформации его «фронтирности» и «огосударствления».

Имперский период. Присоединенные в середине XIX в. земли Посьета были почти безлюдны. Их специфика заключалась в том, что «одомашнивать» здесь пришлось не местное сообщество, которое отсутствовало, а пришлых иностранцев. В то время при недостатке ресурсов Россия заселяла далекое приграничье в основном регулярными и казачьими войсками. На территории Посьетского участка (с 1910-х гг. — района) первыми российскими поселениями были основанные в 1860 г. пост Новгородский (совр. пгт. Посьет) и урочище Новокиевское (пгт. Краскино), позже — урочища (совр. пгт.) Славянка и Барабаш, где расположились военные гарнизоны и небольшое число гражданских лиц.³

Тогда же из зарубежья пошел второй поток засельщиков. Это были корейские крестьяне,

¹ См.: Рибер А. Дж. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытки интерпретации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 94–145.

² Дённингхаус В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М., 2011. С. 509, 510.

³ См.: Троицкая Н. А. Приморская жемчужина // Из истории сел Посьетского района: документы и материалы. Владивосток, 2004. С. 3–14.

выталкиваемые с родины тяжкими условиями жизни. Слабо охраняемые границы предопределили их почти свободный переход на чужие земли. Российские власти сочувственно отнеслись к прибывшим, дав разрешение на поселение и получив в их лице поставщиков сельхозпродукции.

Первые корейские семьи перешли границу в 1864 г.⁴ К 1890 г. на Посьетском участке они основали 15 селений, в то время как русские крестьяне — только три.⁵ Всего в это время там проживало 16,3 тыс. чел., из них 6,8 тыс. — военнослужащие и их семьи, 8,8 тыс. — корейцы.⁶ Менее чем за 30 лет освоения нового приграничья из двух основных компонентов его населения — русских военных и корейских иммигрантов — именно второй стал преобладающим, обозначив символическое ослабление российского присутствия.

В конце XIX в. и особенно в начале XX в., когда Япония аннексировала Корею, наплыв иммигрантов стал настолько мощным, что превысил критическую массу, поддающуюся контролю. За 1900–1914 гг. число корейцев в Приморье выросло с 26,8 тыс. до 61,7 тыс. чел.⁷ Этот поток, проходя через Посьетский район, частично оседал в нем.

По сути, на юге Приморья происходила тихая земледельческая экспансия выходцев из другого государства, для сдерживания которой у России не было ресурсов, что заставило власть изменить отношение к иммигрантам. Обеспокоенность судьбой района красноречиво выразил В. Д. Песочкий, участник Амурской экспедиции (1909): «Как могла совершиться такая странная и даже удивительная аномалия: лучший кусок нашего Востока, имеющий впереди богатое будущее, находящийся под боком Владивостока... как мог Посьетский участок оказаться в руках выброшенного из Кореи бедного безземельного и отчасти бесправного люда?»⁸ Уже тогда правительство делало попытки ввести ограничительные иммиграционные меры и отселять корейцев в другие районы, однако они были слабыми и неэффективными.⁹

Советский период. В 1920-е гг. восточная иммиграция на Дальнем Востоке активизировалась, чему способствовали два фактора — прозрачность границ и зависимость региона от иностранной рабочей силы. В 1923 г. в Приморье насчитывалось 101,9 тыс. корейцев, в 1929 г. — 150,8 тыс. Если численность всего населения края за эти годы увеличилась на 18,2 %, то корейского — на 48,0 %, а его доля в общей структуре населения выросла с 19,4 до 25,5 %.¹⁰

В 1926 г. соотношение россиян, корейцев и китайцев в Приморье (тогда — во Владивостокском округе) было 66,9 : 25,5 : 7,6. Однако в приграничье по мере приближения к Корее пропорции сдвигались в сторону выходцев из этой страны с наибольшей их концентрацией в Посьетском районе, где в 1926 г. их численность (37,9 тыс. чел.) и доля (89,2 %) достигли исторического пика, в то время как число русских уменьшилось до 4,6 тыс. чел. Доля китайцев во всем приграничье составляла около 1 %.¹¹

Советская администрация неизбежно столкнулась с проблемой «одомашнивания» территории. Конфигурация форм и методов этого процесса менялась в соответствии с общей трансформацией режима власти. Одним из способов была советизация населения с учетом этнического фактора. В административной системе Приморья Посьетский район был структурирован как корейский национальный. Однако выдвинутую его лидерами идею создания автономии политическое руководство центра и края отвергло. В качестве механизмов советизации использовались: институт уполномоченных по корейским делам при исполкомах Советов, формирование корейской партийно-советско-комсомольской элиты, выпуск периодики на корейском языке и т. д.¹² Все это укладывалось в формат политики коренизации, ставшей стержнем нациестроительства в раннем СССР — «империи позитивного действия» (по Т. Мартину), что теоретически обосновывалось целью разрушения надклассового национализма и создания «советских наций» в централизованном государстве.¹³

⁴ См.: Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток, 2000. С. 67.

⁵ См.: Из истории сел Посьетского района. С. 21.

⁶ См.: Троицкая Н. А. Указ. соч. С. 8.

⁷ См.: Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке / Ващук А. С. [и др.]. Владивосток, 2002. С. 33.

⁸ Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск, 1913. С. 66, 67. (Труды Амурской экспедиции).

⁹ См.: Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. С. 202–211.

¹⁰ Подсчитано по: Салтыков Н. Н. Территория и население Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 6-7. С. 48–52; Итоги переписи корейского населения Владивостокского округа в 1929 г. Хабаровск; Владивосток, 1932. С. IV.

¹¹ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 7: Дальневосточный край. Якутская АССР. М., 1928. С. 140–147, 157, 158.

¹² См.: Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. С. 88–93.

¹³ См.: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011.

В этот же период разрабатывались основы приграничной политики. В условиях враждебного окружения советская власть акцентировала внимание на барьерной функции («ненарушимости») границ. Была организована централизованная пограничная охрана, и начала складываться концепция режимных пограничных зон.

Наряду с этим впервые в российской государственной практике появилась стратегия развития приграничных территорий. В 1925 г. Политбюро ЦК ВКП(б) установило ряд привилегий для западных пограничных районов,¹⁴ а в 1930-е гг. распространило их на все пограничные районы страны.¹⁵ Основным мотивом этого решения выдвигалось «возрастающее политическое и оборонное значение показа сущности и достижений советской системы, особенно в области национальной политики, трудящимся, живущим по другую сторону границы»,¹⁶ т. е. это была попытка реализации принципа, вошедшего в научный дискурс как Пьемонтский, — использования трансграничных этнических связей для политического влияния на сопредельные страны.¹⁷ Госплан СССР в директивах начала 1930-х гг. ставил задачу превратить приграничные районы в передовые в своих регионах, для чего следовало наладить «образцовую организацию труда и культурно-бытового обслуживания нужд работников и их семей», укрепить управленческий аппарат «наиболее квалифицированными, политически устойчивыми развитыми работниками, улучшив по сравнению с другими районами их материальное положение».¹⁸

Однако реализация этих директив была сильно затруднена состоянием экономики регионов, что усугублялось кампаниями раскулачивания и коллективизации. Руководящим органам вместо «передового развития» пограничных территорий приходилось констатировать их «значительное отставание».¹⁹

Тем не менее социально-экономическая политика новой власти приводила к реальным позитивным изменениям. В Приморье к концу 1927 г. землю получили свыше 10 тыс. корейских хозяйств.²⁰ Государство оказывало корейской бедноте помощь семенами, инвен-

тарем, предоставляло льготы по сельхозналогу и т. д. В 1932 г. Посъетский район достиг наибольшего по Приморью уровня коллективизации хозяйств (92,7 %).²¹ К 1935 г. там имелось 26 сельскохозяйственных и 7 рыболовецких колхозов.²² Большое внимание уделялось развитию системы просвещения, здравоохранения, улучшению быта. Росла сеть корейских школ, в поселке Новокиевск был открыт корейский педтехникум.²³

Советизацию и развитие приграничья можно считать мягкой формой «одомашнивания». Но применялись и более жесткие формы, особенно в 1930-е гг., что отражало смещение векторов не только национальной и пограничной политики, но и общей внутренней политики со спецификой реализации в разных регионах. В южном Приморье применение жестких форм определялось двумя главными факторами — аграрным перенаселением, вызванным наплывом иностранцев, и обострением внешней обстановки, провоцировавшим усиление ксенофобии, которая к концу 1930-х гг. полностью возобладала над Пьемонтским принципом.

Уже в середине 1920-х гг. советское руководство считало, что сосредоточение на Дальнем Востоке иммигрантов приняло «угрожающие размеры».²⁴ Это послужило толчком для открытия в 1925 г. планового сельскохозяйственного переселения в регион жителей из других российских районов, что было направлено на восполнение дефицита отечественных трудовых ресурсов и на «разбавление» корейского населения.²⁵ В первой половине 1930-х гг. в силу внутренних причин (раскулачивание, коллективизация) и внешних (конфликт на КВЖД 1929 г., захват Маньчжурии Японией в 1932 г.) ставка в переселении была перенесена на демобилизованных военных, на создание красноармейских колхозов, что усиливало политическую подоплеку кампании и в специфической форме воспроизводило модель казачьего расселения имперского периода. Красноармейских переселенцев размещали именно в приграничье. Однако в Посъетском районе их адаптация к иной этнокультурной

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 497. Л. 1–2.

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 194. Л. 1.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 33. Д. 56. Л. 134.

¹⁷ См.: Мартин Т. Указ. соч. С. 20, 21, 428–430.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 33. Д. 56. Л. 129–135.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 231.

²¹ См.: Пак Б. Д. Корейцы в советской России (1917 — конец 30-х гг.). М.; Иркутск, 1995. С. 154–180, 193, 204.

²² ГАПК. Ф. 183. Оп. 1. Д. 46. Л. 11, 12.

²³ Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. С. 92, 93.

²⁴ ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 66. Л. 18.

²⁵ См.: Бугай Н. Ф. Корейцы в СССР: из истории вопроса о национальной государственности // Восток. 1993. № 2. С. 152.

среде шла трудно, что вызывало массовый отток.²⁶

Снижение концентрации корейцев достигалось также путем их вытеснения и переселения. К концу 1920-х гг. землеустройство иммигрантов было свернуто, резко ограничился прием их в советское гражданство. Была сделана попытка частичного переселения корейцев из Владивостокского округа в Хабаровский на добровольной основе. По плану на 1928–1933 гг. оно должно было охватить около 90 тыс. иноподданных корейцев из всех районов Приморья, в том числе 13,5 тыс. из Посьетского. При этом разрешалось оставить на месте лиц, «доказавших полную лояльность и свою преданность советской власти».²⁷

Мотивами проведения кампании были землеустройство и пограничная безопасность. Корейское население не переставало рассматриваться властью как подверженное японскому влиянию. В 1930 г. Управление погранохраны ПП ОГПУ по ДВК²⁸ считало выселение корейцев из Посьетского района «вопросом особого значения»,²⁹ а Совет Труда и Оборона ставил задачу переселить из пограничных районов все корейские хозяйства, имевшие право на наделение землей.³⁰ Хотя этот план по организационным причинам провалился,³¹ в 1930-е гг. корейское население в районе начало «размыываться», а иммиграционный приток прекратился, так как граница закрылась «на замок».

В приграничной политике, наряду с укреплением охраны границ, активно использовались такие инструменты, как режимность и социальная «чистка» территории. Сочетание внешней барьерной и внутренней фильтрующей функций, характерное для всех районов периметра СССР в 1930-е гг., было призвано усилить контроль над ними в обстановке ожидания войны, в частности на Дальнем Востоке — в связи с агрессивными антисоветскими планами Японии и с ее постоянными провокациями на границе.

В соответствии с положениями об охране границ СССР (1923 и 1927 гг.) Посьетский

район полностью входил в зону пограничного режима, неместным гражданам для въезда требовалось разрешение.³² В 1933–1934 гг. при введении единых внутренних паспортов СССР вся территория Приморья получила статус режимной. Теперь здесь вводились ограничения не только на въезд, но и на проживание «неблагонадежного» населения независимо от этнической принадлежности. По этой причине к концу 1934 г. из Приморья выселили почти 27 тыс. граждан. В 1936–1939 гг. состоялись другие кампании принудительных выселений, с особой тщательностью «вычищалось» приграничье.³³ В Посьетском районе к началу 1937 г. оставалось 27 тыс. жителей (в 1,6 раза меньше, чем в 1926 г.), число сельсоветов уменьшилось с 51 до 37.³⁴

Усиление режимности приграничья накладывалось на изменение государственного курса в других сферах. В результате пересмотра национальной политики («реабилитации» роли русских в государстве и «русификации» РСФСР) в 1937–1939 гг. были ликвидированы национальные районы и сельсоветы.³⁵ Ужесточилась репрессивная политика, вылившаяся в Большой террор. Социальная «стерилизация» Дальнего Востока дополнялась этнической в виде депортации корейцев (1937) и китайцев (1938).³⁶ В итоге очаг корейского сосредоточения в советском приграничье был ликвидирован. По переписи населения 1939 г. в бывшем Посьетском, а теперь Хасанском и Барабашевском районах³⁷ славяне составляли 96,2 % (из них русские — 78,2 %). Однако численность жителей сократилась до 20,9 тыс. чел.³⁸

К концу 1930-х гг. «огосударствление» приграничья было завершено: внешняя контактность сменилась изолированностью, была обеспечена его подконтрольность и лояльность населения, усилен военный потенциал. «Фронт» трансформировался в «форпост»

³² См.: Положение об охране государственных границ СССР (1927). URL: <http://lawru.info/dok/1927/06/15/n1201952.htm> (дата обращения: 29.01.2019).

³³ См.: Чернолуцкая Е. Н. Указ. соч. С. 167–334.

³⁴ ГАПК. Ф. 183. Оп. 4. Д. 12. Л. 480–481; Оп. 1. Д. 46. Л. 11, 12.

³⁵ См.: Вдовин А. И. Эволюция национальной политики СССР, 1917–1941 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 3. С. 3–54; Мартин Т. Указ. соч. С. 464–579; и др.

³⁶ Подробнее об этом см.: Чернолуцкая Е. Н. Указ. соч. С. 285–334.

³⁷ В 1937 г. район разделен на Посьетский и Барабашевский; в 1947 г. их вновь объединили; в 1939 г. Посьетский район переименован в Хасанский.

³⁸ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. // Демоскоп Weekly. Прил. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ga.php?reg=301 (дата обращения: 17.01.2018).

²⁶ См.: Исаев А. А. Проблемы закрепления демобилизованных красноармейцев в колхозах Дальнего Востока в 1930-е годы // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2016. № 5 (170). С. 128.

²⁷ Пак Б. Д. Указ. соч. С. 167, 168, 207–211.

²⁸ ПП ОГПУ по ДВК — Полномочное представительство Объединённого государственного политического управления при СНК СССР по Дальневосточному краю.

²⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 299. Л. 235.

³⁰ См.: Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 38.

³¹ См.: Чернолуцкая Е. Н. Указ. соч. С. 221–227.

советского государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Обратной стороной «стерилизации» приграничья стали демографические и трудовые потери. В Посьетском районе с отъездом корейцев из 37 сельсоветов было ликвидировано 18, а из 33 колхозов осталось шесть красноармейских.³⁹

В дальнейшем стратегию поддержания безопасности в Приморье власть тесно увязывала с наращиванием численности населения путем завоза переселенцев и пополнения войск. Уже в 1939 г. миграционный прирост в Хасанском и Барабашевском районах составил 9 264 чел.⁴⁰ Последующий рост числа жителей в этих районах, как и в регионе в целом, шел до конца 1980-х гг., прерываясь только в военный период.

По стратегическим соображениям Приморье находилось под особой опекой власти. В позднесоветский период Хасанский район переживал подъем как в военно-техническом отношении, так и в рамках политики хозяйственного освоения. Был построен судоремонтный завод в поселке Славянка, портпункт Посьет преобразован в торговый порт, возникли другие предприятия. Поселки росли и благоустраивались.

Свою лепту в демографическую и инфраструктурную динамику внесли военные. В связи с обострением в 1960-е гг. советско-китайских отношений в регионе была значительно увеличена численность войск. Огромные средства военное ведомство вкладывало в жилищное и культурно-бытовое строительство.⁴¹

При этом пограничные районы сохраняли барьерную функцию во внешних контактах и фильтрующий режим въезда для советских граждан, что было закреплено в положении «Об охране государственных границ СССР» (1960) и в законе «О государственной границе СССР» (1982).⁴²

За всю историю Хасанского района период 1960-х — первой половины 1980-х гг. был

наиболее динамичным в экономическом и социальном развитии. С 1959 по 1989 гг. число его жителей выросло в 1,7 раза (всего в Приморье — в 1,6 раза) — с 26,4 тыс. до 43,7 тыс. чел.,⁴³ достигнув исторического демографического максимума. Но характерными чертами местного социума оставались высокая миграционная подвижность, слабая укорененность.

Постсоветский период. Ситуация резко изменилась на рубеже 1980-х и 1990-х гг. После развала СССР Дальний Восток лишился инвестиций и субсидий центра, притока мигрантов, что в совокупности с другими процессами привело к его длительной деградации. С 1990-х гг. не прекращается отток и естественная убыль населения. С улучшением российско-китайских отношений уменьшилась численность приграничных войск.

С 1989 по 2018 гг. население Приморского края сократилось на 15,3 %, Хасанского района — на 28,9 %, где к началу 2018 г. проживала 31 тыс. чел.⁴⁴ С 1995 г. в районе идет депопуляция, но наибольший урон его демографии наносит миграция.

За годы реформ разорились многие предприятия, сельское хозяйство было полностью разрушено. Вместе с тем появились крупные частные компании, в основном транспортно-логистические. Мелкий и средний бизнес сосредоточен в добыче и обработке морепродуктов, обслуживании летнего отдыха туристов (нередко это предпринимательство носит теневой характер).

Другим следствием реформ стал отказ от изоляционизма в пограничной политике, а также нормализация советско-китайских отношений, развитие внешних миграций и экономических связей. Либерализация проявилась и в значительном сужении области действия режима погранзон. С 1992 г. Хасанский район стал открытым для посещений, число его режимных объектов к 2017 г. сократилось до трех.⁴⁵

³⁹ ГАПК. Ф. 183. Оп. 4. Д. 12. Л. 461; Ф. П-68. Оп. 35. Д. 95. Л. 91–93.

⁴⁰ Там же. Ф. 131. Оп. 2. Д. 173. Л. 11, 33.

⁴¹ См.: Мельников В. Н. Деятельность органов государственной власти СССР по обеспечению национальной безопасности страны в пограничной сфере Дальнего Востока (1949–1969 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 1 (42). С. 108–114.

⁴² Положение «Об охране государственных границ СССР» (1960). URL: <http://www.alppp.ru/law/bezopasnost-i-ohrana-gravorojadka/80/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-05-08-1960.html> (дата обращения: 31.01.2019); Закон «О государственной границе СССР» (1982). URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11345.htm (дата обращения: 31.01.2018).

⁴³ См.: Всесоюзные переписи населения 1959 и 1989 гг. // Демоскоп Weekly. Прил. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения 10.01.2018).

⁴⁴ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Демоскоп Weekly. Прил. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения 10.01.2018); Численность постоянного населения по муниципальным образованиям на 1 января 2018 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения: 10.11.2018).

⁴⁵ См.: Информация Пограничного управления ФСБ по Приморскому краю. URL: <http://prim-hasan.ru/index.php?id=879> (дата обращения: 02.01.2019).

Однако эти изменения не оказали влияния на этнокультурный ландшафт района. Если во многих частях Приморья присутствие иностранцев стало заметным явлением, то Хасанский район в силу специфики экономики не является местом их массового привлечения. Национальный состав населения меняется незначительно под воздействием внутренних миграций и слабого притока граждан из азиатских стран СНГ. С 2002 по 2010 гг. доля русских в Хасанском районе выросла с 89,9 до 92,5 % (в целом по краю — с 90,7 до 92,5 %). Численно росли лишь небольшие сообщества — группы корейцев, тувинцев, бурят, узбеков.⁴⁶

Изменения же, связанные с открытием границы, проявились в том, что район приобрел статус транзитной территории. Транспортные и таможенные предприятия перешли в сферу частного бизнеса и стали основными в местной экономике. Но они лишь частично компенсируют потери послереформенного периода.

Таким образом, в конце 1980-х–1990-е гг. шел процесс разгосударствления приграничья, предоставивший местному сообществу возможность существовать так, как оно сможет, в условиях жесточайшего кризиса.

В 2000-е и особенно в 2010-е гг., когда в международной политике РФ был провозглашен «поворот на восток», стали наблюдаться признаки «возвращения» государства на дальневосточные рубежи, попытки создать условия для их социально-экономического подъема. Эксперты считают, что ключевым мотивом здесь выступает не обеспокоенность центра территориальной целостностью России или судьбой дальневосточников, а потребность в экономическом плацдарме для «интеграции в АТР», в чем заинтересованы прежде всего крупные корпорации.⁴⁷

В Хасанском районе ставка сделана на его вхождение в международную транспортную систему. Здесь строятся и модернизируются морские порты Посьет, Славянка, Зарубино, железнодорожные и автомобильные участки, связывающие приграничные территории России, КНР и КНДР с мировыми транспортными маршрутами. Такие проекты заложены в ряде федеральных целевых программ. В настоящее время основными инвесторами стро-

ек выступают крупные московские компании. Но реализация этих планов идет медленно и противоречиво.⁴⁸

Новым шагом правительства стала утвержденная 28 октября 2015 г. «Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа».⁴⁹ На ее основе в сентябре 2016 г. соответствующую программу на 2016–2020 гг. приняла администрация Приморского края. Заявленная цель — закрепление и увеличение населения, обеспечение комфортных условий жизни. На развитие инфраструктуры, малого и среднего бизнеса, социальной сферы планируется привлечь средства федерального и регионального бюджетов и частных инвесторов.⁵⁰

Однако разработчики программы понимают, что необходимы демографические ресурсы. Для Хасанского района запланирован рост населения на 440 чел., снижение миграционной убыли с 567 чел. (2016) до 51 (2020). Определены «точки роста», которые должны привести к созданию 1266 новых рабочих мест. Основная роль в этом отведена строительству Славянского морского перегрузочного комплекса (649 рабочих мест).⁵¹ Но он рассчитан на перевалку угля, что грозит ущербом экологии (то же испытывает и акватория порта Зарубино), а на самом строительстве, скорее всего, будут заняты трудовые мигранты. Московские компании нацелены на извлечение прибыли, но не озабочены созданием комфортных условий жизни в районе.⁵²

Первые два года реализации программы нельзя считать успешными. В 2016–2017 гг. число жителей здесь уменьшилось на 1149 чел., в том числе за счет миграции — на 1008 чел. В экономике при наращивании объемов услуг транспорта идет спад в рыбопереработке и судоремонте. Замедлился рост уровня жизни.⁵³

⁴⁸ Vaschuk A. S., Konyakhina A. P. The Modernization of Khasanskiy Raion in the Russian Far East: Potential, Problems, and Perspectives // *Asian Perspective*. 2016. Vol. 40, № 3. P. 435–463.

⁴⁹ Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав ДФО (28 октября 2015 г.). URL: <https://minvr.ru/activity/kompleksnoe-razvitie-territoriy/razvitie-prigranichnykh-territoriy/> (дата обращения: 14.01.2019).

⁵⁰ Региональная программа «Развитие приграничных территорий Приморского края на период до 2020 года». URL: <http://www.dfoportal.info/o88341> (дата обращения: 14.02.2019).

⁵¹ Там же.

⁵² Vaschuk A. S., Konyakhina A. P. Op. cit. P. 435–463.

⁵³ Прогноз социально-экономического развития Хасанского муниципального района на период до 2021 г. URL: <http://prim-hasan.ru/index.php?id=123> (дата обращения: 11.03.2018).

⁴⁶ См.: Национальный состав населения Приморского края: стат. сб. Владивосток, 2012. С. 57.

⁴⁷ См.: Ларин В. Л. Тихоокеанская Россия в «большой Евразии» начала XXI века: вызовы и ответы // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10. № 3/1. С. 66.

В постсоветский период Хасанский район вновь приобрел черты фронта. Но если до 1930-х гг. его определяющим показателем было стихийное заселение выходцами из иного государства и их доминирование в местном сообществе, то с 1990-х гг. — это постепенное обезлюдение территории, которое идет в результате отстранения центральной влас-

ти от опеки приграничья. В наметившемся с 2000-х гг. повороте российской политики на восток заложены идеи нового укрепления приграничья на основе государственно-частного партнерства. Однако положительного демографического эффекта эта политика пока не принесла. Миграционные волны продолжают откатываться назад.

Elena N. Chernolutskaia

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the RAS (Russia, Vladivostok)

E-mail: *chvalery@mail.ru*

RUSSIA'S POLICY AT FRONTIER TERRITORIES AND
ETHNO-DEMOGRAPHIC DYNAMICS IN THE KHASAN DISTRICT OF PRIMORSKII KRAI

Khasan district of Primorsky Krai is the farthest South-Eastern region of Russia, adjacent to the border with North Korea and China. Its remoteness and weak population rootedness have always been the main factors of vulnerability. The degree of state control over the territory is closely related to the nature of border and migration policy. During the Imperial period, the district was a zone inhabited by two newcomer groups — Russian subjects and Korean immigrants — with the increasing predominance of the latter. In the Soviet period, the state “domestication” of this zone took the form of sovietization of Koreans, restriction of immigration, replacement of the Korean population by Russians, military strengthening and social “cleaning” of the border area. After the Korean deportation in 1937, the district developed as a Russian monocultural space with closed borders. In the 1960s–1980s, being under the care of the Center because of its strategic importance, the district had a stable demographic and economic growth. The initial period of the Russian Federation was marked by the “state withdrawal” from the border area and the liberalization of the border regime. But the economic and demographic degradation of the district began in the absence of the Center’s support. In the 2010s, within the framework of the “turn to the East” policy there are signs of state “returning” to the Far Eastern frontier areas, attempts to develop them by attracting state and private capital. However, this has not yet led to obvious changes in the well-being of the population and demographic dynamics of the Khasan district.

Keywords: *ethno-demographic dynamics, border policy, border territory, Russia's Far East*

REFERENCES

- Bugay N. F. [Koreans in the USSR: from the history of the issue of national statehood]. *Vostok* [East], 1993, no. 2, pp. 151–156. (in Russ.).
- Chernolutskaia E. N. *Prinuditel'nyye migratsii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920–1950-ye gg.* [Forced migrations in the Soviet Far East in the 1920–1950s]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2011, 512 p. (in Russ.).
- Dyonninghaus [Dönninghaus] V. *V teni “Bol'shogo Brata”: Zapadnyye natsional'nyye men'shinstva v SSSR (1917–1938 gg.)* [In the shadow of the “Big Brother”: Western national minorities in the USSR (1917–1938)]. Moscow: ROSSPEN, Fond “Prezidentskiy tsentr B. Yel'tsina” Publ., 2011, 727 p. (in Russ.).
- Isaev A. A. [The problems of retaining demobilized Red Army soldiers in collective farms of Far East in the 1930s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, no. 5 (170), pp. 126–132. (in Russ.).
- Larin V. L. [Pacific Russia in the “Greater Eurasia” at the beginning of the 21st century: challenges and responds]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Idea], 2018, vol. 10, no. 3/1, pp. 65–81. (in Russ.).
- Martin T. *Imperiya “polozhitel'noy deyatel'nosti”*. *Natsii i natsionalizm v SSSR. 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN, Fond “Prezidentskiy tsentr B. Yel'tsina” Publ., 2011, 855 p. (in Russ.).

- Melnikov V. N. [The activities of the USSR state authorities to ensure the national security of the country in the Far East border sphere (1949–1969)]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the Far East of Russia], 2008, no. 1 (42), pp. 108–114. (in Russ.).
- Pak B. D. *Koreytsy v sovetskoy Rossii (1917 – konets 30-kh gg.)* [Koreans in Soviet Russia (1917 – the late 30s)]. Moscow; Irkutsk: IGPI Publ., 1995, 259 p. (in Russ.).
- Petrov A. I. *Koreyskaya diaspora na Dal'nem Vostoke Rossii. 60–90-ye gody XIX veka* [Korean Diaspora in the Far East of Russia. 60–90s of the 19th century]. Vladivostok: DVO RAN Publ., 2000, 304 p. (in Russ.).
- Rieber A. J. [Stable factors of Russian foreign policy: attempts at interpretation]. *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiy period: Antologiya* [American Russian Studies: Milestones in the recent historiography. Soviet period: Anthology]. Samara: SamGU Publ., 2001, pp. 94–145. (in Russ.).
- Troitskaya N. A. [Primorskaya pearl]. *Iz istorii sel Pos'yetskogo rayona: dokumenty i materialy* [From the history of villages in Posietsky district: documents and materials]. Vladivostok: RGIA DV Publ., 2004, pp. 3–14. (in Russ.).
- Vaschuk A. S., Chernolutsкая E. N., Koroleva V. A., Dudchenko G. B., Gerasimova L. A. *Etnomigratsionnyye protsessy v Primor'ye v XX veke* [Ethnic and migration processes in Primorski krai in the 20th century]. Vladivostok: DVO RAN Publ., 2002, 228 p. (in Russ.).
- Vaschuk A. S., Konyakhina A. P. The Modernization of Khasanskii Raion in the Russian Far East: Potential, Problems, and Perspectives. *Asian Perspective*, 2016, vol. 40, iss. 3, pp. 435–463. (in English).
- Vdovin A. I. [Evolution of the USSR national policy, 1917–1941]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8. History], 2002, no. 3, pp. 3–54. (in Russ.).

К статье Е. Н. Чернолуцкой

Река Туманная. Здесь сходятся границы РФ, КНДР и КНР.
Фото Ю. Смитюка. Источник: <http://smitsmitty.livejournal.com>

Порт в поселке Славянка. 2014 г.
Фото А. Хитрова. Источник: <https://alexhitrov.livejournal.com>